

Рич Пьер 13.12.05,

Брызги Бетховена

Пьер Рич на «Международной неделе консерваторий»

Коммерсантъ - 2005 - 13
музыка пианизм он. - с. 22

Техническими качествами игры Пьер Рич ловко подобрал аргументы в пользу своей весьма неожиданной манеры ФОТО НИКИТЫ ИНФАНТЬЕВА

Фестиваль «Международная неделя консерваторий» привез в Петербург крупного французского музыканта — пианиста Пьера Рича. На концерте побывал ВЛАДИМИР РАННЕВ.

Пьер Рич — значительный пианист и музыкальный деятель. Кроме профессорских обязанностей в Парижской консерватории обременен еще и интенсивной концертной практикой, членством в жюри престижнейших международных конкурсов и организацией нескольких музыкальных фестивалей. Фигуры такого уровня обычно притягивают как минимум стаю молодых дарований, желающих привлечь интерес мэтра или хотя бы получить пару профессиональных советов. Так оно и было перед концертом на мастер-классе Пьера Рича в Петербургской консерватории. Но удивительно — и без того небольшой зал Шереметевского дворца на самом концерте оказался заполнен лишь наполовину.

Тем не менее господин Рич, также, видимо, отвыкший от зрелища пустых кресел, аккуратно сделал то, зачем пришел. Его фортепианная игра, стилистически, мягко говоря, неожиданная, была демонстрацией совершенно иной интерпретации классического репертуара, нежели императивы строгого русского пианизма. Маэстро сыграл Семнадцатую сонату Бетховена, «Карнавал» Шумана и си-минорную сонату Листа. Достаточно сказать, что педали он почти не отпускал. Как-то по-

циркового незаметно, почти не шевеля лаковой туфлей, господин Рич все-таки менял педаль в последний перед надвигающейся какофонией момент. Поначалу это шокировало, потом раздражало, а потом господин Рич все-таки добился своего: общая студенистость достигла такой степени виртуозности, когда ее уже можно считать стилем. Он разбрызгивал бетховенские аккорды в зал таким же манером, как у нас положено играть, предположим, «Затонувший собор» Дебюсси. Решив, видимо, что вода в Петербурге — главная стихия, пианист решил утопить в ней соборные постройки немецкой фортепианной классики. Шуман и Лист также не избежали купания. Однако мастер не был бы таковым, если бы не замыслил поверх этой «музыки в розлив» какой-то сверхидеи. А именно — резкой, обжигающей суши акцентов, которые он дьявольски педантично расставил по ходу развития формы исполняемых произведений. Собственно, в том и состояла его стратегия. Особенно сильный эффект она произвела в монструозной получасовой сонате Листа. В игре Пьера Рича — не линия, а краска. Даже применительно к бетховенскому пианизму, что нашей школой считается совершенно непозволительным. Но тем интереснее было услышать подобную трактовку не от выскочки, а от почтенного профессионала, который умеет ловко подбирать убедительные аргументы даже для самых спорных своих идей.